
АРМЕН
ГАСПАРЯН

ЛЕГЕНДА
СОВЕТСКОЙ
РАЗВЕДКИ

.....

АГЕНТ НКВД
В ПАРИЖЕ

.....

ТРИ ВОЙНЫ
РУССКОГО
ГЕНЕРАЛА

ГЕНЕРАЛ
СКОБЛИН

Книги Армена Гаспаряна

Армен Гаспарян

**Генерал Скоблин. Легенда
советской разведки**

«Питер»

2017

УДК 355.40(09)
ББК 68.35(2)71д

Гаспарян А. С.

Генерал Скоблин. Легенда советской разведки / А. С. Гаспарян — «Питер», 2017 — (Книги Армена Гаспаряна)

ISBN 978-5-4461-0349-2

В книге известного писателя Армена Гаспаряна рассказывается о Николае Владимировиче Скоблине – легенде советской разведки. Это единственная полная, по мнению ветеранов Службы внешней разведки РФ, биография незаслуженно забытого героя. Генерал Скоблин был яркой личностью. Герой Первой мировой и Гражданской войн, начальник Корниловской дивизии, в эмиграции он становится одним из лидеров Белого движения. Советской разведке, сыгравшей на патриотических чувствах Скоблина, удалось завербовать его. До сегодняшнего дня отношение к генералу неоднозначно. Для одних он остается предателем. Для других – человеком, в условиях угрозы для страны оставшимся русским патриотом. Чтобы понять Скоблина, стоит посмотреть на русскую эмиграцию, в которой и спустя сто лет ничего не поменялось – достаточно вспомнить Ходорковского, Чичваркина и других «радеющих за Россию». Работая над книгой, автор изучил сотни документов и воспоминаний людей, близко знавших Николая Владимировича, встречался с родственниками Скоблина. Все фотографии в книге – из семейного архива генерала, многие публикуются впервые.

УДК 355.40(09)
ББК 68.35(2)71д

ISBN 978-5-4461-0349-2

© Гаспарян А. С., 2017

© Питер, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А. Гаспарян
Генерал Скоблин: легенда
советской разведки

© ООО Издательство «Питер», 2017

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

Писать о разведке невероятно сложно. Подлинная биография нелегала навсегда остается под грифом «секретно». Как отметил Герой Советского Союза Геворк Вартанян, «про нас, например, можно говорить только то, что было в Тегеране, то есть до 51-го года. Мы и потом работали, но что было потом, пока рассказывать нельзя». Пресловутое «пока» может продолжаться долгие годы. К Николаю Владимировичу Скоблину, которого многие считают одним из самых успешных советских разведчиков, это относится в первую очередь.

23 сентября 1937 года русская эмиграция была потрясена новостью: в Париже таинственно исчезли председатель Русского общевойинского союза генерал Евгений Карлович Миллер и начальник Объединения чинов Корниловского ударного полка генерал Николай Владимирович Скоблин. Газеты еще не успели даже разобрать чрезвычайное происшествие, как стало известно, что пропала и жена Скоблина, знаменитая русская певица Надежда Васильевна Плевицкая. Вся французская полиция была поднята на ноги, было установлено круглосуточное наблюдение на вокзалах, в морских портах, на приграничных станциях.

Миллера и Скоблина больше никто из русских эмигрантов никогда не видел. А вот Плевицкая нашлась. На следующий день она давала объяснения в полиции. Через год легендарный «курский соловей» предстанет перед судом. Ее обвинят в участии в похищении председателя РОВС¹ и работе вместе с мужем на советскую разведку. 53-летняя женщина будет осуждена на долгое заключение и умрет в тюрьме.

Эту историю знают многие. Кто-то читал книгу Б. В. Прянишникова «Незримая паутина», кто-то смотрел сериал «Очарование зла» или многочисленные документальные фильмы разной степени достоверности. За прошедшие 70 лет реальный Скоблин забылся. Ушли в прошлое многочисленные свидетельства воинской доблести Николая Владимировича:

«На помощь были направлены три роты, общей численностью 160 человек, под командой Скоблина. Эрдели² стал объяснять обстановку. «Ваше высокопревосходительство, все равно ни зги не видно, просто укажите рукой точное направление противника», – сказал Скоблин. Генерал указал.

Раздалась тихая команда: «Интервал три шага. От середины в цепь! Вперед!» Бесшумно поползли к окопам. «В штыки! Ура!» – крикнул Скоблин. Корниловцы подхватили так неистово, что заглушили стрельбу. Паника захлестнула большевиков. Обезумевшие толпы, в несколько тысяч человек, уже ничего не соображали».

Сегодня культивируется совсем другая память о генерале, которая взрастила множество мифов. Эта книга – первая попытка показать настоящего Скоблина, его военную карьеру, деятельность в Русском общевойинском союзе и то самое пресловутое участие в «деле Тухачевского». Я старался не выставлять оценки поступкам и мыслям героев этой книги. Это сможете сделать вы – мои читатели. В мою задачу входит просто констатировать факты и приводить свидетельства, которые я собирал многие годы.

Автор выражает огромную признательность всем помогавшим в работе над книгой.

¹ РОВС – Русский общевойинский союз. Основан в 1924 году главнокомандующим Русской армии генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. Изначально в организацию входили бывшие воины белых армий, оказавшиеся в эмиграции после Гражданской войны, впоследствии к союзу присоединялись их единомышленники и потомки.

² Иван Георгиевич Эрдели (1870–1939) – русский военачальник, генерал от кавалерии, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Один из основателей Добровольческой армии.

Глава 1

Первый корниловец

Октябрьский переворот 1917 года, а именно так и называли Троцкий с Лениным свою революцию, вверг страну в пучину братоубийственной Гражданской войны. Первыми поднялись на борьбу с III Интернационалом Лавр Георгиевич Корнилов и четырехтысячная Добровольческая армия, составной частью которой был Корниловский ударный полк. Что мы знали о нем еще до недавнего времени? Только скудную информацию, почерпнутую из энциклопедии:

«Назван по имени генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова и ведет свое начало от 1-го Ударного отряда, сформированного в составе 8-й армии в июне 1917 года. Приказом Верховного главнокомандующего от 11 августа 1917 года получил на именование Корниловского ударного полка, с 10 сентября 1917 года – 1-й Российский ударный полк, с 30 сентября 1917 года – Славянский ударный полк. После Октябрьской революции около 600 ударников пробились на Дон».

Мы, рожденные в СССР, ничего толком о Гражданской войне не знали. Мы говорили «белогвардейцы» и даже не задумывались о том, что означает это слово. А ведь основоположники сопротивления большевизму, генералы Русской императорской армии Алексеев и Корнилов, создавая Добровольческую армию, таким определением не пользовались.

«Белогвардейцами» их стали называть противники-большевики по якобы существовавшей аналогии между Добровольческой армией и эмигрантской белой армией эпохи Великой французской революции. Однако это в корне неверно. Французская армия воевала за идею легитимной монархии, выбрав для своего флага белый цвет королевского дома Бурбонов. А русская Добровольческая армия не была ни реставраторской, ни монархической. Но название «белое» постепенно прижилось, добровольцы стали им пользоваться, придавая ему иной смысл. Так белый цвет, войдя в название движения, стал символом чистоты устремлений его участников. Символом, который противопоставлялся классовой ненависти и перманентной революции, олицетворявшимся красным цветом – цветом крови. Ну и поскольку в Белом движении был представлен весь политический спектр от монархистов до социалистов, стали говорить, что белый цвет включает все цвета радуги. Это был символ политической солидарности, ради которого его приверженцы были готовы и пойти на все, и от всего отказаться.

Долгие годы нас пичкали суррогатной историей и все и всегда принималось на веру. Мы были убеждены, что в белых армиях служили только графы и князья, фабриканты и помещики, буржуазия и купечество. Но так ли было на самом деле? В архиве командующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина сохранился уникальный документ, датированный 5 мая 1918 года.

«Не просим Вас, а прямо умоляем принять нас в Добровольческую Армию. Я – Сергей Николаевич Большаков, мне уже исполнилось 10 лет, а мой брат – Леонид Николаевич Большаков – ему уже 9-й год. Пожалуйста, примите нас в свою Армию. Мы умеем ездить верхом и делать гимнастику. Папа и мама ничего не знают, но как Вы напишете, не посмеют».

В январе и феврале 1918 года под Новочеркасском сражались двенадцатилетние кадеты, ростом меньше трехлинейной винтовки, в черных мундирчиках с красными лампасами. Потом их, окоченевших, в белых бумажных смертных венчиках вокруг желтых бескровных лбов, отпевали в новочеркасском Войсковом соборе. А тех немногих, кто провожал их в полупустом храме в последний путь, мучила только одна мысль: почему должны гибнуть дети, когда

на Дону столько взрослых мужчин? Это о тех бедных мальчиках сказал с грустью основатель Добровольческой армии генерал Алексеев: *«Орлята защищали родное гнездо. А где же были орлы?»*

Орлы тоже были. Только Корниловская ударная дивизия потеряла в боях 13 674 человека. За три года русской смуты были ранены 34 328 красно-черных воинов. Из восемнадцати человек командного состава времен Ледяного похода в 30-х годах были живы лишь пять человек. Двенадцать погибли в боях, один – застрелился, не выдержав новороссийского кошмара. Вдумайтесь в эти цифры. Те же, кого большевики не добились в Крыму, – умерли на чужбине. Навсегда оставшись верными своей Родине.

Корниловский ударный полк. Полк – легенда. Осколок Русской армии, уничтоженной большевиками в 1917 году. Вспомним гнуснейшие слова маршала Тухачевского, сказанные спустя четыре года:

«Мы не получили в наследство от царской армии хороших приемов общевойскового обучения, и нам самим надо настойчиво их разрабатывать применительно к условиям Красной Армии».

Вспомним и сравним с воспоминаниями полковника-марковца Биркина:

«Я слышу сзади музыку. Было, как будто, недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец за скатом появилась цепь корниловцев с их эмблемами на левых рукавах. Я много уже слышал про них, но впервые и воочию увидел этот знаменитый полк, и как раз в бою. Не отрываясь, смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки. Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот, – до того удивительно, картинно-захватывающе и даже страшно было это зрелище. Цепи их были в 6–8 шагов интервала, и удивительнее всего, что они на ходу строились, одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков. Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они сразу поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло корниловское «Ура!»»

* * *

В начале 1918 года помощником командира Корниловского ударного полка был штабс-капитан Николай Владимирович Скоблин. Скупые строчки биографии – *«Участник Первой мировой войны. В 1914 году – прапориц 126-го пехотного Рыльского полка. В 1917 году – штабс-капитан, вступил в 1-й ударный отряд. Командир роты, командир батальона...»* – ничего существенного не говорят.

Молодой офицер запомнился многим еще до того, как Добровольческая армия отправилась в свой Ледяной поход. В конце января 1918 года отступающие от Таганрога красные расстреляли бригаду железнодорожников. Живот одного из них был распорот саблём. В его рот были засунуты окровавленные гениталии. На обнаженной груди лежала фотография, на которой были изображены двое молодых людей в форме, с надписью: «Нашему дорогому папе».

Как раз в этот момент прибыл вагон, который привез человек двадцать большевиков, взятых в плен на соседней станции. Вперед вышел один из юнкеров, как потом выяснилось, сын

убитого железнодорожника. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, он разрядил свой карабин в толпу. Его разоружили, и он с рыданиями повалился на землю. Скоблин попытался успокоить безутешного юношу, которому едва исполнилось 18 лет: «Мы отомстим за твоего отца, можешь на меня положиться! Даю тебе слово чести!»

Н. В. Скоблин среди сослуживцев по 126-му Рыльскому пехотному полку на фронте. 1915 год³

Они действительно отомстили. Первопоходник Роман Гуль с горечью вспоминал уже в эмиграции:

«Нежинцев⁴ скачет к нам, остановился – под ним танцует мышиного цвета кобыла.

«Желающие на расправу!» – кричит он.

«Что такое? – думаю я. – Расстрел? Неужели?» Да, я понял: расстрел, вот этих 50–60 человек, с опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своих офицеров.

«Вдруг никто не пойдет?» – пронеслось у меня.

Нет, выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами.

Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны...

³ Весь фотоматериал этой книги вы можете скачать по ссылке <https://goo.gl/VA1jnb>

⁴ Митрофан Осипович Неженцев (1886–1918) – полковник Генерального штаба, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, командовал Корниловским ударным полком, принимал активное участие в Белом движении на Юге России.

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили.

Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, – это не «война»... Вот она, подлинная гражданская война...

Расстреливавшие офицеры подошли.

Лица у них – бледны. У многих бродят неестественные улыбки, будто спрашивающие: ну, как после этого вы на нас смотрите?

«А почему я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!» – кричит, отвечая кому-то, расстреливавший офицер».

Н. В. Скоблин после награждения орденом Святого Георгия

С Добровольческой армией Николай Владимирович Скоблин был в двух Кубанских походах (за Ледяной поход он был награжден орденом № 29, что свидетельствует об авторитете тогда уже полковника), наступал на Москву, эвакуировался из Крыма. Боевой офицер, он по

приказу Врангеля был произведен в генералы. Бывший доброволец Дмитрий Лехович писал спустя годы:

«Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, с черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне приятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность: Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику, взгляд его всегда скользил по сторонам. Человек большой личной храбрости, Скоблин имел военные заслуги и в то же время значительные недостатки. Он отличался холодной жестокостью в обращении с пленными и населением. Но в суровые дни и однополчанам, и начальству приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недостатки».

Начальник штаба Корниловской ударной дивизии генерального штаба полковник К. Л. Капнин

Одним из них была безрассудная храбрость. Собственно, этим в Добровольческой армии было трудно кого-нибудь удивить. Но Скоблин выделялся даже среди столь же отважных офицеров:

«Квартирьеры доложили, что наиболее удобным помещением для штаба дивизии будет или дворянское собрание, или же дворец Скоропадского. В это время подошел пожилой мужчина, вежливо приподнял шляпу и осведомился, не он ли здесь главный начальник. «Да, я, – ответил Скоблин. – А вам что нужно?» – «Хочу предупредить вас, чтобы вы ни в коем случае не останавливались в бывшем дворянском собрании или во дворце

Скоропадского. Оба здания минированы большевиками». – «А кто вы такой?» – спросил Скоблин. «Я ваш друг, старый земский деятель», – ответил незнакомец. Капитан Капнин стал настаивать, чтобы для штаба выбрать какое-нибудь другое помещение. «Охота тебе, Константин Львович, слушать всякие рассказы», – возражал Скоблин. «Николай Владимирович, – закипятился Капнин, – нельзя ведь рисковать, чтобы начальник дивизии со всем своим штабом взлетел на воздух». – «Ну, ты делай как хочешь, а я со своим конвоем остановлюсь во дворце Скоропадского». К ночи, когда Скоблин уже укладывался спать, вдруг он услышал громкое шипение, и в его комнату поползла гарь. Скоблин распахнул двери. Весь зал был полон дыма».

Корниловцы, уже в эмиграции, вспоминали такой случай: однажды их колонну из ста человек обогнал броневик Дроздовского полка. Вышедший из него офицер обратился к Скоблину с вопросом: «Где остальные ударники?» – «Вот все, что осталось от полка», – печально бросил Николай Владимирович и тут же приказал готовиться к атаке. Уже тогда он пользовался таким непререкаемым авторитетом, что позволял себе выговаривать даже своему непосредственному начальнику, генералу Кутепову. Полковник Левитов в своих воспоминаниях «Корниловский ударный полк» привел весьма показательный пример:

«Полковник Скоблин поехал разыскивать штаб корпуса. По дороге он встретил молодого адъютанта, причисленного к Генеральному штабу. Капитан передал начальнику дивизии в конверте приказание командира Добровольческого корпуса. Скоблин пробежал приказ и весь побледнел. Выпустив трехэтажное ругательство, он набросился на капитана: «Как, приказ об отходе моей дивизии вы доставляете мне только сегодня? Почему вчера не доставили его мне? Из-за вашей трусости у меня убитых только 600 человек! Расстреливать таких офицеров!»

Скоблин помчался к Батайску. Штабной поезд медленно отходил. «Задержать поезд!» – закричал Скоблин. Поезд остановили. Вне себя он вскочил в вагон командира корпуса. «Николай Владимирович, – это ты? Слава Богу! Твоя дивизия цела?» Кутепов обнял Скоблина и поцеловал. Скоблин, возмущаясь, стал рассказывать ему, что перенесли корниловцы. «Ты потерял половину дивизии, а я почти весь свой корпус. Катастрофа. Поезжай – твоя задача защищать Батайск. Когда успокоишься, спокойно обо всем переговорим». Медленно, шагом поехал Скоблин к корниловцам».

Скоблину прощалось все. Офицер отчаянной храбрости (один из самых молодых георгиевских кавалеров за всю историю Русской Императорской армии) всегда лично водил свой полк в атаку, он был ранен шесть раз. По устоявшейся в Добровольческой армии традиции, офицеры всегда шли впереди, поэтому и потери их превышали все допустимые нормы. (К примеру, командир батальона Корниловской ударной дивизии Фукс после каждой атаки оказывался в лазарете. В результате он был ранен 14 раз и лишился левой руки. Последний командир 2-го Корниловского ударного полка полковник Левитов был ранен также 14 раз, из них 8 тяжело. Сам о себе он говорил так: «С мая 1915 года моя левая рука от ранения в плечо не поднималась, штыком я работать не мог, а стрелял отлично».)

Скоблин был одним из первых кавалеров ордена Святого Николая Чудотворца – высшей награды Русской армии генерала Врангеля. (Приказ ВСЮР⁵ № 167 от 11/24 июля 1920 года. Вручал орден сам главнокомандующий 14 сентября того же года в селе Федоровка Северной

⁵ ВСЮР (Вооруженные силы Юга России) – оперативно-стратегическое объединение белых войск на юге России во время Гражданской войны, в 1919–1920 годах, образованное в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого войска Донского с целью совместной борьбы против большевиков.

Таврии. Спустя 11 лет фотография этого знаменательного момента украсила обложку журнала «Часовой», № 54 от 30 апреля 1931 года.)

Поручик Критский писал почти через 20 лет:

«Скоблин вышел к матросам. – Здорово, – сказал он. Матросы ответили как следует. – Знаете ли вы, – спросил Скоблин, – в какую часть вас прислали? – В Корниловскую дивизию, – ответило несколько голосов. – Не в Корниловскую дивизию, а в Корниловскую ударную дивизию, – поправил Скоблин. – Так вот что: всех трусов, всех тех, кто дрожит за свою жизнь, и тех, кто задумал в бою переметнуться к красным, нам таких не надо. Все храбрые и честные – три шага вперед! Все полтора человека сделали три шага вперед. Из этих матросов была сформирована рота, и она честно воевала с красными».

Командующий 1-м армейским корпусом генерал от инфантерии А. П. Кутепов

Корниловцы своим командиром гордились. Молодого генерала боялись и уважали враги, что говорит о многом. Разгром конного корпуса Жлобы, одна из самых страшных катастроф красных в Гражданской войне, произошел при активнейшем участии нестигаемых ударников. Петр Николаевич Врангель писал в своих воспоминаниях:

«Корниловская артиллерия с открытых позиций открыла огонь по наступающим на донцов красным. Наши броневики, ворвавшись в колонны конницы Жлобы, расстреливали красные полки. Одновременно эскадрилья аэропланов осыпала красных кавалеристов сверху пулеметным огнем.

Остановив атаку на 3-ю Донскую дивизию, «товарищ» Жлоба всеми силами, до пяти кавалерийских бригад, бросился на корниловцев. Однако корниловцы выдержанным ружейным и пулеметным огнем встретили атаку красной конницы. Наша артиллерия, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующим. В то же время 3-я Донская дивизия, быстро оправившись, сама перешла в наступление на север.

Атакованные с фронта и фланга и поражаемые метательными снарядами нашей воздушной эскадрильи, массы красной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях. Большая часть, до двух дивизий, во главе с самим Жлобой, прорываясь на северо-запад, бросилась на Гальбштадт и Большой Токмак, но здесь была встречена резервами 13-й пехотной дивизии и бронепоездами, в упор расстреливавшими беспорядочно метавшиеся толпы красных кавалеристов. Жлоба бросился на юг, но здесь вновь попал под удар дроздовцев. Последние, частью сев на повозки, преследовали противника, перехватывая ему дорогу и расстреливая в упор из пулеметов... Остатки красных дивизий были настигнуты в районе Черниговки конницей генерала Морозова и окончательно рассеяны. Вторая группа красной конницы из района Александеркрона бросилась на север в направлении на деревню Моргенау, но здесь наткнулась на дроздовцев и, встреченная убийственным огнем, бросилась на восток, но была перехвачена 2-й Донской дивизией, овладевшей на рассвете деревней Штейнфельд и преследующей выбитых из этих селений красных, отходивших на Фриденсдорф. Передовые части конницы генерала Морозова и донцов долго преследовали остатки разгромленного противника, бегущего на Черниговку. Красные кавалеристы уже не оказывали никакого сопротивления. Многие бросали загнанных коней и разбегались по хуторам и балкам.

Конная группа «товарища» Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше 40 орудий, до 200 пулеметов и до 2000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3000 коней. Полки 2-й конной и донских дивизий полностью пополнили свой конский состав. Штабы двух дивизий красной конницы были захвачены нами».

Главнокомандующий Русской армией барон П. Н. Врангель

После эвакуации из Крыма в Галлиполи Корниловская ударная дивизия была сведена в полк. Командовал им, как и раньше, Скоблин. В то время все чины белых армий жили надеждой, что со дня на день генерал Врангель отдаст свой знаменитый приказ: «Орлы, за дело! Кубанский поход продолжается!» О капитуляции никто не думал, все были готовы к новым сражениям с большевиками. Последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковник Месснер напишет спустя годы:

«Ленин и Троцкий, борясь против Добровольческой армии генерала Корнилова, Вооруженных сил генерала Деникина и Русской армии генерала Врангеля, ставили целью уничтожение того, что они называли контрреволюцией. Этого они не достигли; они – НЕ ПОБЕДИЛИ.

Генерал Алексеев, начиная Белую борьбу, целью ее поставил зажечь светоч России; эта задача ВЫПОЛНЕНА: светоч был зажжен, светоч не был погашен; светоч и по сей день горит. Белые воины НЕ БЫЛИ ПОБЕЖДЕНЫ. Конечно, советская власть не признает моральной победы Белого дела. Ее торопливые историки пишут, что Белое войско было разбито. Но ведь разбитые полки бегут, сдаются. Русская же армия имела тактические успехи до последнего дня борьбы: славная конница генерала Барбовича прижала четыре дивизии противника к Гнилому морю; непоколебимая пехота завершила последний бой штыковой атакой Корниловской ударной дивизии у села Юшунь. Так не дерется разгромленная армия!»

Вот только Николай Владимирович постепенно отстранялся от борьбы до победы. Нет, он не разочаровался в идеалах Белого движения. Все очень прозаично – 26-летний генерал влюбился до беспамятства. Собственно, случилось это еще в Крыму, но только на чужбине корниловцы обратили внимание, что теряют своего командира. Все его мысли занимала известная русская певица Надежда Плевицкая, «курский соловей», как называл ее последний русский император Николай II.

Чины Корниловского ударного полка в Галлиполи. 1921 год

* * *

Надежда Васильевна Винникова родилась в 1884 году в деревне Винниково Курской области. Ее детство ничем не отличалось от детства сотен других деревенских детей. В своих воспоминаниях «Дежкин карагод», изданных в Берлине в 1925 году, она писала:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто «закон» осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка, потолще, со словами: «Отваляю по чем ни попало».

А вот и преступления наши: родители не разрешали долго загуливать. «Чтобы засветло дома были», – наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что «хорошая слава в коробке лежит, а дурная по дорожке бежит».

Вот той славы, «что по дорожке бежит», мать и боялась. У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек – это не много, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полные, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе – кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами свозились, мешками таскали орехи, которые припрятавались до Рождества. Было и у нас изобилие.

Отобедали, и снова на улицу. Мать дала нам по десятку яиц на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного да и вернулась; нужно гусей на речку согнать, а то в закутке они искричались. Как не хотелось с улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей из закутка и погнали под гору.

Под горой, не боясь, что нас кто увидит, стали мы с Машуткой плясать, подражая Татьяне и старшим сестрам. Я запела протяжную:

Дунай-речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит.
Размолоденький солдатик
Полковника просит:
– Отпусти меня, полковник,
Из полку до дому.
Рад бы я, рад бы отпустить,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешься воды холодной,
Про службу забудешь...

Пела я и прислушивалась к своему голосу. Мне очень хотелось, чтобы походил он на Татьянин.

А с горы на плотину съезжал в ту пору экипаж, в котором сидели соседнего помещика барыня и барышни. Поравнявшись с нами, они замахали платками, и в нашу сторону полетел большой кулек. Коляска промчалась, а мы с Машуткой стали собирать как с неба упавшие гостинцы: каких только сластей не было в кулке».

После этого и стали говорить ее земляки, что петь Плевицкой было гораздо легче, чем говорить. В возрасте 10 лет она приняла первое самостоятельное решение в своей жизни – ушла в монастырь. Провела там всего два года, а потом сбежала с бродячим цирком. *«Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное? Балаган сверкнул внезапным блеском, и почувяла душа красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную»*, – писала спустя годы Надежда Васильевна.

В цирке она познакомится со своим первым мужем, танцовщиком из Польши Эдмундом Плевицким. В 1903 году состоялась их свадьба. Именно под фамилией Плевицкая Надежда Васильевна скоро стала известна всей России.

На одном из выступлений ее услышал знаменитый певец Леонид Собинов. Едваждавшись окончания, он пришел к ней за кулисы с букетом роз и был краток: «Вы талант!» С этого момента карьера Плевицкой резко пошла в гору. Ее даже стали звать на благотворительные концерты, где она выступала вместе с такими мастерами сцены, как актер МХАТа Василий

Качалов и прима балета Мариинского театра Матильда Кшесинская. В своих воспоминаниях Плевицкая писала:

«В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолкал. И было странно мне, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокруг бутылок теснились люди. Бутылок множество, и выпито, вероятно, не мало, а в зале такая страшная тишина.

Чего притихли? Ведь только что передо мной талантливая артистка, красавица, пела очень веселые, игривые песни, а в зале было шумно.

А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут. У зеркальных стен, опустив салфетки, стоят, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, все посмотрят, зашикают. Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь».

Летом 1911 года Надежда Васильевна отправилась на свои первые гастроли. Сорок концертов по всей стране. На гонорар она даже сумела купить себе дом в родной деревне Винниково и начать там большое строительство. Надо сказать, что газеты восторженно приветствовали новую звезду русской эстрады, и кое-кто даже вспомнил, что взлетом своей карьеры Плевицкая обязана прежде всего Леониду Собинову: *«Меня чрезвычайно радует ее успех, и я счастлив, что мне удалось уговорить Надежду Васильевну переменить шантан на концертную эстраду. Москва просто покорена пением молодой певицы, таким простым, как поют деревенские бабы, но «пронзительным».*

Настоящая слава к Плевицкой пришла после концерта в Царском Селе. В 1912 году ее позвали петь для государя императора и его свиты. В своих воспоминаниях она так описывает пик карьеры:

«И вот распахнулась дверь, и я оказалась перед Государем. Это была небольшая гостиная, и только стол, прекрасно убранный бледно-розовыми тюльпанами, отделял меня от Государя.

Я поклонилась низко и посмотрела прямо Ему в лицо и встретила тихий свет лучистых глаз. Государь, будто догадываясь о моем волнении, приветил меня своим взглядом.

Словно чудо случилось, страх мой прошел, и я вдруг успокоилась. По наружности Государь не был величественным, и сидящие генералы и сановники рядом казались гораздо представительнее. А все же, если бы я и никогда не видела раньше Государя, войди я в эту гостиную и спроси меня – «узнай, кто из них Царь?» – я бы, не колеблясь, указала на скромную особу Его Величества. Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души. Поэтому я Его и узнала бы.

Он рукоплескал первый и горячо, и последний хлопок всегда был Его.

Я пела много. Государь был слушатель внимательный и чуткий. Он справлялся, может быть, я утомилась. «Нет, не чувствую я усталости, я слишком счастлива», – отвечала я.

Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь Царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни этакой Царю бы не пела, но тогда была простодушна, молода, о политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не таровата,

достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадетов, улавливала слово «кадет» и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус.

А песни-то про горюшко-горькое, про долю мужицкую кому же и петь-рассказывать, как не Царю своему Батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный. Пела я и про радости, шутила в песнях, и Царь смеялся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную. Я пела Государю и про московского ямщика:

Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,
И в поле песня раздается, —
Прощай, родимая Москва!

После моего «Ямщика» Государь сказал Мосолову⁶: «От этой песни у меня сдавило горло».

Во время перерыва Комаров⁷ сказал, что мне поручают поднести Государю заздравную чару.

Чтобы не повторять заздравную, какую все поют, я наскоро, как умела, тут же набросала слова и под блистающий марш, в который мой аккомпаниатор вложил всю душу, стоя у рояля, запела:

Пропоем заздравную, славные солдаты,
Как певали с чаркою деды наши встарь,
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский наш сокол Государь!

и во время ригурнеля⁸ медленно приблизилась к Царскому столу. Помню, как дрожали мои затянутые в перчатки руки, на которых я несла золотой кубок. Государь встал. Я пела ему:

Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так певали с чаркою деды наши встарь!
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский, родимый Государь!

Государь, приняв чашу, медленно ее осушил, глубоко мне поклонился и сказал: «Я слушал вас сегодня с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такою, какая вы есть. Я много слышал ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Самая простая песня в вашей передаче становится значительной и проникает вот сюда». Государь слегка улыбнулся и прижал руку к сердцу».

Надо сказать, что именно на том концерте она познакомилась со своим будущим вторым мужем, кирасиром-поручиком Шангиным. Это была любовь с первого взгляда. Через какое-то

⁶ Мосолов Александр Александрович (1854–1939) – русский военачальник, дипломат, придворный чиновник, генерал-лейтенант лейб-гвардии Конного полка, занимал должность начальника канцелярии Министерства императорского двора.

⁷ Комаров Владимир Александрович – генерал-лейтенант, начальник Петроградского дворцового управления.

⁸ Ригурнель – небольшой инструментальный отрывок, предшествующий, завершающий или заполняющий паузу вокального произведения.

время последовал ее развод с Плевицким. А ведь в то время браки между офицерами и певичками были для офицеров запрещены. Однако Шангин не был отправлен в отставку. Говорили, что развод лично благословил Николай II.

Надежда Васильевна недолго упивалась семейным счастьем. Грянул 1914 год. Первая мировая война. Ее муж, кирасир-поручик Шангин, оказался в рядах действующей армии. 22 января 1915 года он погиб в Восточной Пруссии. Но, по слухам, Плевицкая не слишком-то переживала эту потерю, потому что увлекалась уже поручиком лейб-гвардии Юрием Левицким. Кстати говоря, война практически не коснулась карьеры певицы. Она по-прежнему выступала, пела для солдат русской армии. Известно, что Плевицкая дала не меньше сотни таких концертов.

Знаменитая русская певица Н. В. Плевицкая

Слава Надежды Васильевны была столь велика, что она стала героем фельетона известного журналиста Аркадия Аверченко:

«Давайте телеграмму Плевицкой пошлем.

– А и дело говорите. Исполать вам. Пишите. «Ой-ты, гой еси, наша матушка Надежда ли Васильевна! Земно кланяемся твоему истинно национальному дарованию, а молчим на многая лета тебе на здоровьица на погибель инородцам. Поднимаем ендову самоцветную с брагой той ли шипучей!»

– Подписывайтесь, детинушки!

И все расписались:

Барон Шлиппенбах. Граф Стенбок. То ли барон Вурст. Гой еси барон Кригс. А и тот ли жандармский ротмистр Шпице фон Дракен.

– Все подписались?

– Я не подписался, – застенчиво сказал новопоступивший националист.

- Так подписывайтесь же!
- И он застенчиво подписал:
- Семен Яковлевич Хацкелевич, православный».

Тогда же Надежда Васильевна снялась у известного русского режиссера Гардина в фильмах «Крик жизни» и «Власть земли». Он вспоминал через несколько лет:

«Дом Плевицкой деревянный, в русском стиле. Чисто, уютно. Актеры довольны, хозяйка любит петь. По вечерам концерты. Плевицкая работала с забавным увлечением. Она совершенно не интересовалась сценарием, ее можно было уговорить разыграть любую сцену, без всякой связи с предыдущей».

Критики благосклонно отнеслись к новой актрисе. В одной из статей отмечалось, что *«Плевицкая с большим мастерством нарисовала нам образ женщины-крестьянки, которой, в силу своего живого темперамента, было тесно жить в деревенской среде около своего бога-того, но ограниченного интеллектуально мужа. И стоило на ее горизонте появиться барину, поманившему ее к новой жизни, как она решительно порвала с мужем. Но судьба не прощает таких резких переломов, и при первом упреке любовника к ее «деревенщине» было нарушено ее счастье».*

В 1918 году оба фильма были перемонтированы и выпущены в прокат под общим названием «Агафия». Но, как считают коллекционеры, до наших дней ни одна из копий не сохранилась.

Плевицкая продолжала выступать даже тогда, когда русская армия фактически развалилась. Начала петь уже для отрядов рабочей гвардии, которые через несколько месяцев стали основой Рабоче-крестьянской Красной Армии. Плевицкая выступала на Северо-Западном и Южном фронтах, и именно на Южном фронте она познакомилась с сотрудником одесской Чрезвычайной комиссии Шульгой, с которым у нее завязался еще один бурный роман. Надежда Васильевна не была особенно щепетильной ни в жизни, ни в творчестве. Она с одинаковым успехом исполняла и «Боже, царя храни», и «Марсельезу».

Как именно оказалась Плевицкая в Белой армии, до сих пор неизвестно. Существует две версии. Согласно первой, певицу взяли в плен чины 2-го Корниловского ударного полка, совершившие внезапный налет на позиции красных во время концерта. Шульгу повесили, а Плевицкую доставили в штаб на допрос к командиру, полковнику Пашкевичу. Согласно второй, и я склоняюсь именно к ней, ее муж, поручик Левицкий при первом же удобном случае присоединился к белым. Один из первых добровольцев, участник Ледяного похода Пашкевич стал новым фаворитом любвеобильной певицы. Доходило до того, что она увлекала его в спальню даже в редкие минуты, отделявшие один бой от другого.

Кто же такой Яков Антонович Пашкевич? В книге «Корниловский ударный полк» полковник Левитов писал:

«Этот человек был верный корниловец и прирожденный «отец-командир»: вне своего полка, его спайки и славы он мало чем интересовался. Пашкевич входил во все мелочи полковой жизни и вносил в эту жизнь всю крепость крестьянского хозяйственного быта, унаследованного им от рождения. Как рачительный хозяин, Пашкевич терпеть не мог «разгильдяйства», и не было для него большей обиды, чем увидеть своего корниловца пьяным или хотя бы навеселе. Пашкевич с презрением оглядывал провинившегося и только бросал сквозь зубы одно короткое выразительное русское словечко!.. Особо требователен был Пашкевич в боевой обстановке. Он, памятуя, что малые причины часто рождают великие последствия, не успокаивался до тех пор, пока не убеждался, что его приказание усвоено

полностью. Мало того, через некоторое время непременно сам пойдет и проверит, все ли сделано, что нужно.

Первопоходник, он был начальником пулеметной команды в Корниловском ударном полку и отличался знанием боевого и строевого дела. Умение все узнать и все согласовать помогло капитану Пашкевичу, а подобранный им кадр делал свое дело превращения сырого материала в корниловцев.

Сам капитан Пашкевич и старые корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой генералом Корниловым. Бывшие махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмундирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни. С особым подъемом пели «Кудеяра», должно быть, относя к себе слова этой песни, и добровольческие».

Всякое дело Пашкевич начинал перекрестясь. Его вера была наивная и трогательная. Однажды он остался заместителем начальника дивизии как раз в то время, когда корниловские полки должны были на Перекопе устроить прорыв. Общее руководство операцией требовало присутствия Пашкевича в штабе. Когда все распоряжения были уже отданы и наступили томительные часы ожидания сообщений о ходе наступления, Пашкевич заперся у себя в комнате. Наконец пришло известие об успехе прорыва. Пашкевич выскочил из штаба и верхом помчался на фронт. Офицеры вошли в комнату Пашкевича: она была вся усыпана маленькими клочками бумаги, а на каждом из них было написано два слова: «Господи, помоги».

Генерал-майор Н. В. Скоблин в Болгарии. 1922 год

Чины 2-го Корниловского ударного полка относились к Пашкевичу с огромным уважением. За глаза ласково называли его «Эмблема». Дело в том, что голова Якова Антоновича очень напоминала всем знаменитую корниловскую нашивку – адамова голова над скрещенными мечами. Острословы даже шутили: командир специально позировал художнику, чтобы он уловил и сумел правильно передать мельчайшие детали.

15 июля 1920 года не щадивший ни себя, ни других в бою, храбрый до безумия корниловец Пашкевич был смертельно ранен. Плевицкая рыдала и голосила по-деревенски. Но траур носила недолго. Уже через несколько дней она нашла себе нового фаворита. Очередным избранником сердца стал скромный, застенчивый в жизни и неопытный в любовных романах 26-летний командир Корниловской ударной дивизии генерал-майор Николай Владимирович Скоблин.

* * *

Галлиполи. Голгофа Белого движения. Клочок старой России на турецком берегу. Корниловцы окрестили это место «Долиной роз и смерти». Не было возможности бороться со вшами, люди умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или в самодельных гимнастерках. Полковник Левитов вспоминал позднее:

«В Марковском полку был зафиксирован серьезный случай. Один из солдат, собирая дрова в горах, «почувствовал» какое-то постороннее влияние на него, стал осматриваться вокруг и, взглянув на дерево, увидел здоровую

голову удава с выпущенным жалом, гипнотизирующего его. Солдат был без оружия и поэтому решил спастись бегством. Его душевное потрясение от гипноза было настолько тяжело, что в госпитале его лечили от горячки.

В мою землянку заползали иногда очень вредные сколопендры, которые больно кусались. Будучи разрубленными пополам, их половинки разбегались в разные стороны, гремя своей чешуей. Были безобидные вредители – это шакалы, которые подходили к лагерю, рылись в ямах с отбросами, стучали банками и жалобно выли и плакали. Они устраивали нам настоящие концерты, как будто выпрашивая у нас подачку, но, увы, у нас у самих желудки были до предела пусты и вызвали о том же. Все это убивало нас морально и физически».

Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Кроме чахлого кустарника на холмах не было топлива, чтобы просушить одежду и обогреться. Лучше одного из марковских офицеров об этом и не скажешь:

О долина пустынная смерти и роз,
Гадов, змей, сколопендр, скорпионов!
Сколько горя я в лоне твоём перенес,
Не сочтут и десятки Ньютонов.
Русь православную,
Боже, избави
Ныне от гнета толпы!
Ныне в борьбе святой,
Боже всесильный,
Армию нашу навеки храни!

На правом фланге лагеря 1-го армейского корпуса расположились чины Корниловского ударного полка. В палатке со Скоблиным жила покорившая его Плевицкая. По соседству – ее бывший муж, Юрий Левицкий, ожидая со дня на день развода.

В середине июня 1921 года в узком кругу старших офицеров Корниловского ударного полка и командиров 1-го армейского корпуса состоялось бракосочетание Николая Скоблина с Надеждой Плевицкой. Посаженым отцом был генерал Кутепов, венчал их главный священник Галлиполийского лагеря, благочинный Дроздовской дивизии, военный протоиерей отец Николай Бутков. Благословляли их иконой Николая Чудотворца, полковой реликвией дроздовцев. Сегодня она хранится в семье Павла Николаевича Буткова, о котором речь еще пойдет в этой книге. Художественной ценности икона не представляет, но историческая значимость ее бесспорна.

От имени чинов Корниловского ударного полка поздравлял новобрачных капитан Копецкий. Галантно поцеловав руку Плевицкой, он под восторженные крики «Ура!» торжественно произнес: «Принимаем мы вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду».

Плевицкая счастлива. Доволен Скоблин. Гордятся своим командиром корниловцы. Теперь у них есть своя мать-генеральша, которая немедленно взялась за дело. Почти каждую неделю устраивала она концерты для белых воинов, согревая теплом родных и милых русских песен сердца тосковавших по родине дроздовцев, марковцев, алексеевцев. Один из галлиполийцев, штабс-капитан Дмитрий Мейснер, через несколько лет вспоминал на страницах журнала «Часовой»:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым

воинам блестящий своего несравненного таланта. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках».

Из Галлиполи чинов Русской армии генерала Врангеля перевели в Болгарию. Плевицкая с этим мириться категорически отказывалась. Ее артистической натуре претила захолустная дыра Горно-Паничерово, откуда, как писал классик, «хоть сто лет скачи, а до Парижа не доберешься». Лучше полковника-корниловца Левитова, пожалуй, об этом и не скажешь:

«Сначала большинство не было довольным размещением полка в такой глуши, хотелось в город и там понемногу встряхнуться. А на какие коврижки можно было это сделать – этого молодежь не учитывала. Однако всем скоро пришлось столкнуться с действительностью жизни. Довольствоваться полком без предварительных закупок было довольно трудно. Ближайшие города представляли собой наши захудалые жидовские местечки западного края, и в них не брались даже печь хлеб на полк. При ограниченном складе и при отсутствии своих средств передвижения довольствие наладить было страшно трудно».

Плевицкой надоели одни и те же лица на концертах в бараках. Рамки полкового театра она решительно взялась раздвигать, не обращая ровным счетом никакого внимания на службу мужа. Больше того, сам Скоблин стал тяготиться своими обязанностями командира корниловцев. Складывалось впечатление, что без Плевицкой он не может прожить ни минуты. Где была она, там мелькала и синяя корниловская нашивка на черной полковой форме генерала. Именно по настоянию жены Скоблин отпросился у командира корпуса Кутепова в заграничный отпуск. Его отъезд совпал с трагедией. Полковник Левитов вспоминал позднее:

«Произошла стычка между двумя доблестными офицерами: подполковником Граковым, первопоходником, и капитаном Гнояным, тоже первопоходником. Подполковник Граков был полным инвалидом: на Румынском фронте болгары выбили ему глаз, а в Гражданскую войну, под Ставрополем, он лишился ноги. Утром мне доложил дежурный офицер, что подполковник Граков вызывает капитана Гнояного на дуэль и требует, чтобы она состоялась немедленно. В ответ на это капитан Гнояной уговаривает его отложить дуэль, так как он в данный момент пьян. Я предлагаю председателю суда чести рано утром срочно разобрать это дело и предупреждаю, что без разбора дуэли не должно быть. А потом тот же дежурный офицер доложил мне, что подполковник Граков застрелился. Выстрелом из винтовки в рот он снес себе всю верхнюю часть головы. Так ушел от нас мой старый соратник по 1-му Кубанскому генерала Корнилова походу, оставив в недоумении весь полк. В Болгарии законом дуэли были запрещены, и в случае рокового исхода оправданием перед судом было одно только – это разбор дела судом чести. А без этого дуэль была просто «предумышленным убийством». До этого в полку было девять дуэлей, проведенных достойно, а вот десятая вылилась в «самосуд» подполковника Гракова над самим же собой. Железная воля выдающегося по храбрости корниловца на этот раз не выдержала».

Зимой 1922 года Плевицкая метеором вернулась на эстраду. Русские эмигранты, разбросанные по всему миру, аплодировали ей стоя, вызывая по несколько раз на бис. Многие плакали на ее концертах. Страны менялись, как в калейдоскопе: Польша, Прибалтика, Германия, Чехия. Особенно полюбили ее в Праге. Когда 29 марта на сцене зала имени Бетховена она в конце спела «Замело тебя снегом, Россия», некоторые слушатели упали в обморок от переизбытка чувств:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седой пургой,
И одни только ветры степные
Панихиды поют над тобой.
Замела, замела, схоронила
Все святое, родное пурга,
Ты, слепая, жестокая сила,
Вы, как смерть, неживые снега.
Замело тебя снегом, Россия,
Занесло небывалой пургой,
И одни только ветры степные
Панихиды поют над тобой.

(Кстати сказать, вокруг этой песни сложено великое множество мифов. Вот лишь три из них.

1. Этот романс не мог быть любимым у Николая II. Филарет Чернов написал его уже после гибели царской семьи. И к русской смуте он никакого отношения не имел. Текст был впервые опубликован осенью 1918 года в московской газете «Свобода». 2. Плевицкая была не единственным исполнителем этой песни. Романс также пели Иза Кремер, Стефан Данилевский, Николай Гедда. Но именно вариант «курского соловья» стал неофициальным гимном русского зарубежья. А ведь Надежда Васильевна изменила текст (в оригинале было «И холодные ветры степные») и вычеркнула второй куплет: *«Ни пути, ни следа по равнинам, По сугробам безбрежных снегов. Не добраться к родимым святыням, Не услышать родных голосов»*. 3. Филарет Чернов не был в эмиграции. Поэтому в 20-х годах он и не афишировал свое авторство этой песни.)

Это был триумф! Скоблин с гордостью стоял за кулисами, ловя на себе завистливые взгляды. Еще бы, молодой генерал, командир легендарного Корниловского полка, становился своим в высшем свете благодаря жене. Ведь, как писал один музыкальный критик, *«песни Плевицкой для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса всех гунявых националистов, вместе взятых»*.

Н. В. Скоблин и Н. В. Плевицкая среди русских эмигрантов в Болгарии

Брюссель, Берлин, София, Белград – всюду концерты проходили в лучших залах, при постоянных аншлагах. Но триумф не был бы полным без Парижа. 15 марта Плевицкая впервые выступила в культурной столице Европы. «Занесло тебя снегом, Россия» стала не только ее визитной карточкой. Эту песню можно смело назвать явлением, на тот момент главным событием в культурной жизни эмиграции. Неслучайно раздавались голоса, что когда большевиков скинут, на коронации нового государя императора Надежда Васильевна должна будет исполнить «И будет Россия опять».

На родине Плевицкую отблагодарили по-своему. Репертуарная комиссия Главлита⁹ вынесла почти судебный вердикт: «1. Все, напетое Плевицкой, не представляет художественной ценности. 2. Плевицкая в свое время была выдвинута в «знаменитости» и разрекламирована монархистами. 3. Теперешняя деятельность Плевицкой в эмиграции носит явно черносотенный характер».

Между тем отпуск Скоблина явно затягивался. Певица с горечью вынуждена была прервать гастроль, чтобы ее Коленька смог приступить наконец-то к своим прямым обязанностям – командира Корниловского ударного полка. Вернувшись к своим офицерам, Скоблин с горечью для себя узнал, что впервые за все время службы в армии удостоился строгого выговора от командования. И хотя Кутепов считал главного корниловца своим близким другом, даже для него исключение делать не стал. Скоблин пообещал исправиться и рьяно взялся за дело. Полковник Левитов вспоминал спустя годы:

«Франция после изнурительной войны нуждалась в рабочих, чем и воспользовались корниловцы. На втором месте по устройству на работы была Бельгия, откуда Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон¹⁰ прислала на мое имя сто виз, но воспользоваться ими я не мог, так как генерал Скоблин увидел в этом «разложение полка», отобрал у меня эти визы и через

⁹ Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств. С 1922 по 1991 год осуществляло цензуру печатных произведений и защиту интересов государства в средствах массовой информации.

¹⁰ Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон (1898–1983) – дочь генерала Л. Г. Корнилова.

несколько дней по ним же стал набирать партию в Бельгию. Небольшие группы устроились в Сербии, Греции и Люксембурге. На новых местах жительства были организованы группы, и связь с полком была восстановлена».

Но Николая Владимировича мирная жизнь уже засосала. 1 мая 1924 года Скоблин снова оставил полк ради гастролей во Франции. Надо сказать, что эти концерты предоставили генералу возможность быть представленным великой княгине Ксении Александровне, сестре Николая II. Уже через несколько лет, в разговоре с полковником Трошиным, Скоблин с гордостью говорил: *«Стоял перед ней как юнкер, хотя на плечах у меня «зигзаги»»*.

Плевицкая со своим верным мужем, выполнявшим при ней функции секретаря, директора и пресс-агента, отправилась на гастроли в США. Там и произошел первый скандал. В Нью-Йорке она дала благотворительный концерт в пользу советских беспризорников. Эмиграция была в шоке. Как может жена легенды Белого движения помогать большевикам? Однако это была только прелюдия.

Неожиданно для всех в просоветской газете «Русский голос» появился анонс, приглашавший представителей СССР посетить концерт с участием «рабоче-крестьянской певицы» Плевицкой. Разгромная статья «Глупость или измена» оскорбила чету Скоблиных до глубины души. Но сам генерал отвечать не решился – все таки он находился еще на службе. Вместо него выступила Плевицкая, заявившая в начале концерта: *«Я артистка и пою для всех. Я вне политики»*.

Возмущению русской эмиграции не было предела. Скоблина бросились уговаривать, чтобы он повлиял на жену. Пустое. Сам генерал занял весьма странную позицию, заявив, что Надежда Васильевна сама знает, что делает, он не вправе диктовать ей выбор аудитории. С тех самых пор и закрепилось за ним презрительное прозвище «генерал Плевицкий». А некоторые даже отправили генералу Вран гелю гневное письмо, суть которого сводилась к следующему: как может такой беспринципный подкаблучник возглавлять один из старейших полков Белой армии?

Главнокомандующий был взбешен. Ему уже до смерти надоели неуправляемые галли-полийцы, которые до этого то дуэли на винтовках устраивали, то не подчинялись приказам командования снять форму и ходить в городах Болгарии и Сербии в штатском. А теперь еще и с большевиками начали заигрывать. С ведома великого князя Николая Николаевича Врангель подписал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами. 9 сентября того же года он был повторен в приказе № 24, который гласил:

«Ввиду отъезда командира Корниловского ударного полка генерал-майора Скоблина в Америку генерал-лейтенант Витковский вошел с представлением об освобождении генерал-майора Скоблина от должности командира полка. Представление вызывалось невозможностью для генерал-майора Скоблина продолжать, из Америки руководить жизнью части, находящейся в Европе. Одновременно с этим генерал-лейтенант Витковский ходатайствовал об освобождении по аналогичным причинам начальников отдельных частей».

Освобождение Скоблина от должности стало обрастать многочисленными слухами, поэтому председатель РОВС в письме генералу Шатилову отмечал:

«Удалось ли тебе повидать генерала Скоблина? Я весьма огорчен произошедшим недоразумением. Отчисляя Скоблина по представлению генерала Витковского, я далек от мысли, что приказ мой будет истолкован как осуждение его доблестной службы».

Справедливости ради стоит сказать, что Скоблин стал жертвой не только необдуманных поступков собственной жены, но и негласного противостояния Врангеля с Кутеповым. Ведь Александр Павлович был сторонником активной борьбы с Советами, для чего и создал Боевую террористическую организацию, которая, правда, к РОВС не имела никакого отношения. Петру Николаевичу оставалось лишь грустно наблюдать за этим. А Скоблин, обидевшись на всех, уехал во Францию налаживать свой быт.

* * *

Николай Владимирович относился к той категории людей, которым тяжело найти себя в обычной жизни. Боевой офицер, привыкший водить полк в «психическую» атаку, никак не мог привыкнуть к новым реалиям. Мало того что Белая армия была вынуждена покинуть родину и надежд на возобновление борьбы уже не было, так еще и все эти князи, графы и камергеры с презрением относились к нему. Нет, дело тут не в личных качествах Скоблина. Но для всех он был прежде всего командиром Корниловского ударного полка. А всех его чинов считали убежденными республиканцами, которые сделали все, чтобы развалить Российскую империю. Хотя по этому поводу существует безукоризненное свидетельство самого Лавра Георгиевича:

«Февраля 24-го дня 1917 г. № 13100

Его Преосвященству Сильвестру, Епископу Омскому и Павлодарскому
Преосвященнейший Владыко!

Письмом от 2-го минувшего декабря, недавно мною полученным, Ваше Преосвященство изволили сообщить мне текст телеграммы, полученной Вами от моих земляков, казаков Каркаралинской станицы, и уведомить меня о высылке мне в благословение от Вас образа Матери Божией и Святого Иоанна Тобольского и нательного креста в благословение от родной мне Каркаралинской станицы.

Глубоко тронутый вниманием Вашего Преосвященства и доброю памятью обо мне моих земляков, я с сердечной признательностью и чувством глубокого благоговения приму высылаемые мне молитвенные знаки, с твердою верою, что являемая в них сила Господня, сохранившая меня в стольких боях и выведшая меня среди великих опасностей из тяжелого плена, сохранит меня целым и невредимым в предстоящих боях и даст мне новый запас сил для служения Царю и Родине.

Препровождая в дополнение к сему переводом по почте 200 рублей, я покорнейше прошу Ваше Преосвященство не отказать выслать в благословение от Вас образ по Вашему выбору Каркаралинскому высшему начальному училищу, бывшей приходской школе, где я начал учение, а остальные деньги обратить на дела благотворения по Вашему усмотрению.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу Ваше Преосвященство принять уверение в моем глубоком почтении и таковой же преданности.

Ваш покорный слуга, Л. Корнилов».

(Обратите внимание на дату письма. Вот так готовился, с точки зрения адептов конспирологических теорий, масонский генерал Корнилов к заговору против «Царя и Родины» в дни, когда уже вовсю начались «беспорядки». – А. Г.).

Доходило до того, что «великолепные реки самой благородной крови» не подавали Скоблину руки, называя его правой рукой Корнилова, того самого человека, который арестовал императрицу. Генерал сначала робко возражал, говоря, что Корнилов был убежденным монар-

хистом, а потом просто махнул на это рукой. Не пристало оправдываться, когда его жене пишет восторженные письма сам Рахманинов:

«Дорогая Надежда Васильевна. Мне хочется Вам высказать мое искреннее душевное восхищение Вашим исполнением «Беляницы, румяницы вы мои». Оно глубоко проникнуто духом русской народной песни Центральной России и Поволжья. Его русский характер выражен очень ярко. Оно русское, и никакое больше. Нахожу эту песнь такой оригинальной, а исполнение таким хорошим, что специально написал к ней аккомпанемент и попросил компанию «Виктор» сделать пластинку этой песни. Я согласился аккомпанировать Вам для пластинки, хотя очень устал от концертов, всякое лишнее движение рук меня утомляет. Мой душевный привет Вам».

Да и кровь, пролитая Скоблиным за Родину, была лучшим подтверждением верности им присяге и долгу. Он прекрасно понимал, что с наскока Париж не захватить, ведь, как совершенно справедливо заметил полковник Левитов, *«Париж – мировой город, кого только в нем нет, и потому жизнь там бьет ключом, все покупается и продается оптом и в розницу, кумиром являлся его величество франк»*.

На гонорары от концертов Плевицкой был куплен участок земли во французском департаменте Вар. Вызвав из Болгарии своего закадычного друга, командира 1-го Корниловского ударного полка полковника Карпа Гордеенко, Скоблин снял ферму.

Однако он не был морально подготовлен к сельскому хозяйству. Блестящая певица Плевицкая, хотя сама и вышла из крестьянской семьи, считала ниже своего достоинства пасти на досуге коров или кормить кур. Вся тяжесть работ взвалили на Гордеенко, который был еще меньше готов к этому. Вот если бы ему поручили взять позиции большевиков – результат был бы другой. А так полковник изнывал от усталости и еще больше от тоски по настоящему делу.

Гордеенко, выражаясь языком Алексея Толстого, был «отчетливый рубака» и умел произвести неизгладимое впечатление на людей. Известный журналист Раковский запомнил его на всю жизнь: *«Потоки площадной брани, расправы плетьюми, сбрасывание с борта всех, кто не корниловец, – вот атмосфера, в которой происходила погрузка Корниловской дивизии. Недостимей всех вел себя командир 1-го полка полковник Гордеенко, сбросивший в море трех офицеров и одного лично ударивший прикладом по голове»*. (Но это взгляд человека, который вернулся в СССР. Поэтому вполне логично больше доверять безукоризненному свидетельству полковника Левитова: *«Его знание строевого дела, родная корниловскому сердцу лихость и простота в обращении создали ему прочное положение на почетном месте служения нашей Родине»*.)

Нет ничего удивительного, что его терпение быстро лопнуло. Он все чаще стал выговаривать Скоблину, что не может работать один за всех. Кончилось все скандалом. Гордеенко предпочел покинуть ферму. На его место был немедленно рекрутирован старший брат Скоблина Феодосий и один из офицеров Корниловского полка. Но дела новоявленных фермеров лучше от этого не пошли. Со временем Скоблин с огромным облегчением продал эту землю, предпочтя жить рядом с Парижем и не утруждая себя думами об урожае. Благо было о чем размышлять. Корниловец Моисеев написал спустя годы:

«Припоминаю последнюю встречу со Скоблиным в эмиграции: это было в Польше, в городе Гродно, куда Скоблин приехал с Плевицкой дать концерт. Вместо бравого Скоблина, подтянутого, в военной форме, я встретил Скоблина в штатском костюме. Встреча была неожиданной для него, и она что-то пробудила в нем: он что-то порывался сказать, держал обеими руками мою руку, смотрел пытливо в мои глаза, но долго ничего не говорил. Наконец сказал, как старому другу, что он плывет по неизвестному для него течению. Куда судьба вынесет – он не знает, хорошего ничего не ожидает. «В нашей

борьбе нас победили, – проговорил он, – но в этом вина не наша, т. е. молодежи, а тех, кто был у власти, исключая генерала Врангеля да безвременно погибшего генерала Корнилова. Со смертью я не раз играл – Бог хранил. Посмотрим, чем теперь все кончится, но того Скоблина, которого ты знал в 1-м и 2-м Корниловских походах, – уже нет. Храни тебя Господь!» – Крепко пожали руки, поцеловались, и он быстрыми шагами ушел к извозчику. Это была последняя моя встреча с очень большим боевым офицером и старой русской, и Белой армии, в числе первых пришедшим спасти Россию».

1 сентября 1924 года, согласно приказу генерала Врангеля, Русская армия была преобразована в Русский общевоинский союз. К тому моменту стало понятно – союзники не очень-то и хотят, чтобы белые продолжали сражаться за свою Родину. Нет, на словах все как один клялись в ненависти к большевизму, но дела свидетельствовали об обратном. Солдаты и офицеры Русской армии вынужденно разъехались по всей Европе. Но надежда на возобновление борьбы, на новый Кубанский поход все-таки оставалась. Поэтому в приказе Врангеля отмечалось:

«Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю: Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской армии».

Соответственно части, которые находились в Болгарии, перешли в подчинение начальника III отдела РОВС генерала Федора Федоровича Абрамова. В годы Гражданской войны он был начальником 1-й Донской конной дивизии, потом инспектором кавалерии Донской армии. Уже в Крыму, на последнем этапе Белой борьбы, принял командование Донским корпусом. Вместе с ним он и эвакуировался в лагерь Чатаалджа, находившийся в Турции. В своих воспоминаниях Абрамов с грустью писал о первых мгновениях жизни казаков на чужбине:

«Это было, в сущности говоря, самое тяжелое время. Несмотря на прибытие в порт, казаки все еще страдали от жажды, так как воду подвозили на пароходы в недостаточном количестве, а на некоторые и вовсе не подвозили; продовольствия также выдавали очень мало. Страдания еще больше усугублялись сознанием бессмысленности пребывания на судах и видом близкого берега. Впрочем, «берег» сам подошел к казакам в виде бесчисленного количества лодочников, торговцев съестными припасами, которые со всех сторон облепили суда. На лодках самым соблазнительным образом были разложены великолепный константинопольский хлеб, копченая рыба, фрукты и сладости. Были и спиртные напитки. Ко всему этому потянулись руки изголодавшихся казаков, но торговцы сразу же объявили, что они согласны продавать на какие угодно деньги, только не на русские. Конечно, кроме русских, никаких денег у казаков не имелось. Но соблазн был велик. И вот в жадные руки торговцев посыпались долго хранимые серебряные рубли и золотые монеты, часы, перстни, обручальные кольца, портсигары и даже нателные кресты. Цены при этом устанавливались самые произвольные, в зависимости от жадности торговца и сопротивляемости

голодного казака. Были случаи, когда за хлеб отдавалось обручальное кольцо или часы. Французы принимали меры к прекращению этого грабежа и пытались было отгонять лодочников от пароходов, но это ни к чему не повело. Точно жадные акулы, ища добычу, лодочники, отогнанные в одном месте, назойливо подходили к другому. И много, много казачьего добра перешло тогда к ним».

Переехав потом в Болгарию, Абрамов, как и все, ожидал возобновления борьбы с большевиками. Вместо этого получил приказ барона Врангеля возглавить отдел РОВС. Он располагался в просторном доме № 17 на улице Оборище в Софии. Все было хорошо, вот только здание было очень уж старым и жило единственной надеждой на скорый капитальный ремонт. Но средств для этого у чинов Русской армии не было, да и привыкли они в Галлиполи к спартанской обстановке. Поэтому и переносили треснувшую штукатурку на удивление спокойно, благо улица была тихая, перед домом сад, пусть и заросший, но напоминающий о русской поляне.

Обстановка в доме вовсе не походила на штаб армии: деревянные столы с въевшимися чернильными пятнами, хромые стулья, простые крестьянские скамейки для посетителей. Посреди этого оазиса аскетизма, как называл управление РОВС один из марковских офицеров, располагался кабинет начальника канцелярии капитана Клавдия Александровича Фосса. Именно он и войдет в историю всей русской эмиграции как создатель и идеолог таинственной «Внутренней линии».

* * *

В годы Гражданской войны капитан Фосс служил в артиллерийской бригаде Дроздовской дивизии. Участник похода «Яссы – Дон», что было весьма значимым для любого чина Русской армии. Владел пятью языками: русским, болгарским, французским, немецким, английским. Был глубоко верующим человеком. Очень скромный, он никогда не позволял себе повысить голос. Капитан-дроздовец Раевский вспоминал спустя годы:

«Наши личные отношения были и остаются добрыми, хотя мы только хорошие знакомые, но не друзья. Не раз поручик Фосс оказывал мне небольшие личные услуги в связи с разными служебными и полуслужебными делами. И я не могу не быть ему за это благодарным. Таким образом, никакой предвзятости по отношению к Клавдию Александровичу у меня нет. Я считаю, однако, что каждый из нас, кто играет известную общественную роль, отвечает если не перед историей, то, во всяком случае, перед историей эмиграции. В историю русской эмиграции в Болгарии имя Фосса несомненно попадет, в историю Русского общевойскового союза – тоже. Таким образом, есть основания писать о нем не с личной точки зрения.

В его характере есть, как мне кажется, три основных черты – храбрость, настойчивость и жестокость. Кроме того, Фосс несомненно весьма культурный человек, но, по-моему, не обладающий большим умом. Мне ни разу не приходилось лично видеть его в бою, однако все служившие с Фоссом в 1-й батарее Дроздовского артиллерийского дивизиона отзываются о нем как о человеке исключительной храбрости, даже по добровольческим масштабам. Он принимал участие в походе генерала Дроздовского Яссы – Дон, насколько я помню, будучи еще юнкером. До самого последнего дня оставался в строю, хотя превосходно знал иностранные языки, без труда мог устроиться в одном из высших штабов или получить командировку за границу. Надо сказать, что к концу гражданской войны у многих участников первых походов сказалось

вполне естественное утомление и они, говоря военным жаргоном, «подались в тыл». Фосс выдержал на скромных полях боевую страду до конца.

Кроме храбрости товарищи по батарее часто говорили о его жестокости. Я слышал о нем очень жуткие вещи, отзывающиеся духовным садизмом.

(На языке того времени «духовный садизм» – наслаждение неумолимой беспощадностью мучительной и заслуженной расправы с врагом или подозреваемым во вражде.

Раевский никогда не стал бы называть садизмом духа просто казни пленных большевиков. Его отзыв означает в лучшем случае, что Фосс на эти казни вызывался с большим увлечением и убивал с большим восторгом. В среднем случае – что он убивал этих большевиков с мучениями. А в третьем, едва ли не худшем случае – что убивал он не только большевиков, но и безвинно или по произвольному или почти произвольному подозрению, и опять-таки с увлечением жестокостью таких казней. Если бы увлечения не было, Раевский о садизме говорить бы не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.